

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 5

1967

Анатолий КУДРЕЙКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

С В Е Т О М И Р

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 5

Анатолий КУДРЕЙКО

СВЕТОМИР

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1967

Анатолий КУДРЕЙКО

Анатолий Алексеевич Кудрейко родился в 1907 году в городе Пружаны, Брестской области.

Первое стихотворение опубликовал весной 1924 года в днепропетровском еженедельнике «Наковальня». В 1925 году переехал в Москву, где вскоре Всероссийский союз крестьянских писателей выпустил его первую книжку стихов — «Лесной шум». За ней последовали сборники: «Осада» («Молодая гвардия», 1929), «Гравюры и марш» («Федерация», 1930), «Сердце мира» (Гослитиздат, 1931).

С 1931 года учился на рабфаке, с 1933 года — в Московском институте тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова. По окончании института работал в редакции газеты «Индустрия», а затем — «Черная металлургия».

Участвовал в Великой Отечественной войне в качестве командира стрелкового взвода.

В течение длительного времени А. Кудрейко переводил произведения поэтов Украины, Белоруссии, Болгарии, Чехословакии. Издательство «Советский писатель» выпустило его книги стихов: «Предгорья» (1957), «Свершения» (1959), «Пересечение путей» (1961) и «Кинопленка» (1966).

Анатолий Алексеевич Кудрейко

СВЕТОМИР

Редактор — П. КРАВЧЕНКО

А 00329. Подписано к печати 9/II—1967 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,0 физ. печ. лист. 1,40 условн печ лист. Тираж 112 000.
Изд. № 376. Заказ № 1. Цена 4 коп

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЦЕЛОЙ ЖИЗНИ МАЛО, МАЛО..

Целой жизни мало, мало,
чтобы все пройти пространство
от Кавказа
до Ямала,
чье мне видится убранство.

Целой жизни мало, мало,
чтоб земли познать обличье
от Приморья
до Урала,
чье мне видится величье.

Целой жизни мало, мало,
чтобы дать изображение
этой дали,
что узнала
торжество преображенья.

Целой жизни мало, мало,
чтобы ветра дуновенье
на вершине перевала
не рождало вдохновенья.

ЗОЛОТЫЕ ДЮНЫ

Налево — озерцо, лозняк у берегов,
направо — в тупике молчат локомотивы.
Клокочущих котлов, могучих рычагов
не прозвучат уже дорожные мотивы.
В затылок став навек, дух испустив давно,
но не склоняя труб, вошли они в забвенье.

На них идут пески, которым все равно,
куда их с гребней дюн смещает дуновение.
И только черный полумесяц колеса
волне песчаной скрыть не удастся...

А в дюнах детские не молкнут голоса,
а в дюнах песня раздается!

Как синька — озерцб, и, как зеркальный бой,
спелят глаза песчаные обводы...
Но, детство, тень свою и над твоей судьбой
военные распластывают годы!

Запружен белыми весь город у Днепра:
конями, бричками, лихими казачками.

Качается на тополе с утра
повешенный, с разбитыми очками.
С проспекта подойдешь к гостинице «Бристоль», —
аж страх берет: чернеет на бульваре.
(Расширятся зрачки — блеснет немая боль!..)
А казачки торгуют на базаре —
муку мешками с бричек продают.
Своя она? Иль у кого забрали?
Горилку пьют, смеются и поют.
Да за Днепром орудья заиграли!

Пускай события эти далеки,
их давний отсвет в памяти не тухнет!..

Вот входят в дом латышские стрелки,
вот ружья в козлы сдвинуты на кухне.
Светловолосым, статным, молодым
ты, детство, выражаешь восхищенье.
Они прошли по дюнам золотым,
где солнце не жалело освещенья!
Поэскадронно конница неслась
с «максимами», в тачанках громыгавших...
Железно утверждалась наша власть
делами живших, подвигами павших.

Сменилось в небе сколько солнц и лун!
Но все, что было, — в песне проступает.
Я сам не юн, и нет днепровских дюн,
а ветер памяти
песок пересыпает!

СВЕРЧОК

Трещит, трещит сверчок на черном
можжевельнике...

В. Назор

...Откуда он в гостинице? Кружётся снег над вишнями!
О, что забрал он в голову, отважный дурачок!
Сочтет его мелодии администратор лишними...
Трещит, трещит сверчок!

В зеленой книге лета зима листы повыдрала,
и он — ее последний затерянный клочок,
но солнце возвращает он песенкой нехитрою...
Трещит, трещит сверчок!

Я с Украиной встретиться хотел бы в пору знойную,
когда колосья шепчутся у загорелых щек,
поет девичий голос про долю беспокойную...
Трещит, трещит сверчок!

А в Запорожье поездом приехал в пору зимнюю,
насвистывал в вагоне февральский сквознячок...
За этим снежным городом громаду вижу дымную...
Трещит, трещит сверчок!

В плавильнях лето встретило жарою непогашенной,
металл, из солнца отлитый, волок паровичок.
На километры — цехи в соседстве с печью башенной...
Трещит, трещит сверчок!

А за цехами жаркими степной буран беснуется:
сшибает нить антенную, сухой травы пучок.
Щитами рослых зданий загородилась улица.
Трещит, трещит сверчок!

Он летние мелодии, закравшись чудом в здание,
наигрывает тоньше, чем мастерский смычок,
и сердце откликается певучему созданию...
Трещит, трещит сверчок!

ТАКСИ

Как на чудо, сейчас глядишь
на старинные закоулки.
В их кленовую тень и тишь
поезд счастья влетает гулкий.
Словно в слободах на Руси,
там и ныне дома из теса.
Но подкатывают такси,
по асфальту скользят колеса!
Полтора десятка машин
прикатили уже на свадьбу.
И резиной тянет от шин,
и дымок обволок усадьбу.

Чья-то будущая жена
под дуэты аккордеонов
прячет личико, смущена,
в кружевной бахrome пионов.
Вьются волосы у плеча,
на нейлон волной ниспадая.
Как ладонь твоя горяча!
Будь же счастлива, молодая!
И пускается парень в пляс,
бьет ладонями о колени.
Он не сводит влюбленных глаз
даже с женственно-милой тени.
Круг теснее у самых шин,
лезут дети через заборы,
смотрят с завистью из машин,
не спеша уезжать, шоферы.
Я, прохожий, и то стою,
может, чуточку пригорюнясь:
на чужую гляжу — свою
вызываю любовь и юность;
не летели в такси вдвоем,
не белели в руках пионы,
не встречал ликованием дом,
не хмелили аккордеоны...
У косынки из кумача
вился локон напропалую,
и луна отвести луча
не могла, как и я, целуя.
Эх, шофер! На такси «глазок»
засветился зеленым взглядом.

В юбилей наш она разок,
как невеста, поедет рядом!
Пусть к седым ее волосам
ветер льнет, развеивая шторы.
Пусть слетают по адресам
за гостями друзья-шоферы.

ЖАВОРОНОК

За стеной у меня друг-механик живет.
В сталинградской степной стороне,
автоматчики оба, в отчаянный год
мы на танковой мчались броне.

Я еще ничего: в сталинградском аду
лишь веселость моя сожжена.
У соседа — беда: в сорок третьем году
молодая ослепла жена.

Ее в сердце ударила страшная весть,
что нашел он погибель свою,
ну а муж отыскался недель через шесть,
искалеченный в тяжком бою.

Сам хозяйство ведет, ей скучать не дает,
а за горло берет слепота.
День-деньской она ходит и тихо поет,
если наша квартира пуста.

В холода и в тепло здесь звенит тишина,
голос вечной исходит тоской,
и поет об одном у соседа жена,
занавесок касаясь рукой:

«Между небом и землей
песня раздается,
над подруженькой своей
жаворонок вьется»...

И от песни, друзья, в моем сердце темно,
словно стелется тень на лугу...
Пусть простит меня Глинка за то, что давно
слушать песню его не могу!

ГУЛЯНИЯ

1. Снега

Гармоники, гармоники!
Частушечный трезвон!
Со стройки «Электроники»
гульба берет разгон.
Лохматая, цветастая
синтетика идет.
Невеста, ею хвастая,
и бровью не ведет.

Тропиночка-змеиночка
с сугроба на сугроб;
по ней
(а как же иначе?)
частушечная дробь.
И солнце проридается
сквозь елей густоту,
на свадьбу пробирается,—
видать, немоготу.

Смотрю я на хождение,
и в памяти моей
встает изображение
давно забытых дней:
такая ж стайка девичья
в снегах лесных палат
Легка жакетка беличья,
алее розы плат.
И на морозе веселы,
улыбчаты уста.
Зима венцы развесила,
украсила места
такие ж, подмосковные,
где
(только забалуй!),
услышат ели ровные
греховный поцелуй...

2. Петухи

Месяц раскошелится — не прячется,
улицу засыпал серебром.
Если б захотелось подурачиться,
ничего с тобой не соберем!

Сколько этим светом ни любимся,
а с собой не сладим все равно:
если остановимся — целуемся,
словно мы не виделись давно.

Тихо так, что тишине не верится,
так светло, что даже даль слепит.
Видишь ветку каждую у деревца,
видишь ясно лунки от копыт!

Но как только ночь с покоем свыкнется,
вскрикнет кочет на краю села,
на другом конце — другой откликнется
резким криком, хлопаньем крыла.

Поцелуи жарче разгораются,
расставанья сроки наступят.
А злодеи-петухи стараются:
троекратно сотнями поют!

ВЕТЛЫ

1

Знаю с детства монастырь старинный.
Под зубчатой белою стеной
гнулись ветлы, будто в чем повинны,
мыли в речке волосы весной.

Возле ветел шлепали вальками
бабы из рыбацкой слободы,
красными повязаны платками.
Тут и недалёко до беды!

Ноги бóсы, розовы колени,
лихо подоткнули подолы,

а вода кипит в молочной пене,
а глаза бесовски веселы!

И шумят, о кумушках судача,
что ни слово — камушком летит.
Возникла сложная задача
там, где свечка тонкая коптит:

нет, не отгородишься стеною
от мирской прискорбной суеты!
И брели скуфейки стороною,
и стирали бабоньки холсты.

Поглядят своим смиренным оком
и уткнутся в кожаный псалтырь.
Раз игумен ветхий ненароком
сам смутился, идя в монастырь.

Да еще тут ласточки летали
и, не смысла в этаких делах,
что-то очень нежно щебетали,
на высоких сидя куполах.

2

В солнечном плывет великолепье
вся береговая сторона.
Не слепит сусальным благолепьем
с колокольным звоном старина.

Больше стало всякого народу
подселяться нынче к рыбакам.
Проторили тропочку к заводу
по зеленым этим берегам.

И, должно быть, тех рыбачек внушки
здесь белье выносят полоскать,
и прохожий, весел, как с полочки,
норовит на речке окликать.

Кто он? Новый мастер на заводе?
Варит прачкам каустик в котле?
Может, тянет так его к природе,
что забыть не в силах о ветле?

Угадав стремление такое,
и словечка не обронят с губ,
а бойчее мнут белье рукою,—
перекрутят, схватят, как за чуб,

а потом распустят, словно парус,
словно солнцу рады показать.
Если этим любовалась старость,
так уж что про молодость сказать!

Ноги бóсы, розовы колени,
лихо подоткнули подолы.
А вода бурлит в молочной пене
у совсем свалившейся ветлы.

ЗАПАСНЫЙ ПОЛК

Расквартированный на лето,
где ели сшиблись в тесноте,
полк поднимался до рассвета,
а спать ложился в темноте.

Свое он помнил назначение —
фронт управлял его судьбой...
Поход, на местности ученье
чередовал он со стрельбой.

Но это — дела половина!
Нужны траншеи в полный рост,—
киркою рубишь: грунт не глина,
а камень все ж не так-то прост!

Скалистый пласт искрёт под ломом,
рубашка сохнет на траве,
удар наносишь по изломам —
он отдается в голове...

Но это — дела половина!
На лесопилке склад пустой,—
берешь пилу, а лес — машина,
кондовый, спелый древостой!

Такое дерево повалишь,
что обнимаешь ствол вдвоем,
но ты ругаешь, а не хвалишь
его в усердии своем...

Но это — дела половина!
Хлеб осыпается в полях,—
и с ночи косишь: хлеб — лавина,
и на тебя идет впотьмах!

Росой униженный шиповник
спит на опушке под луной,—
не отличил бы и полковник
овса от пыли водяной.

Косить все горше без рубахи —
свет блещет резко, как стекло.
А хлеб такой, что только взмахи
видны идущему в село.

На горизонте гаснут скалы,
стекает с них последний блеск,
и косы на плечах усталых
уносит полк в еловый лес.

И та дорожка полевая,
которой в сумерки брести,
стремится в сердце, как живая,
навек место обрести.

Ты самой долгою любовью
преисполняешься к земле,
ты камень ставишь в изголовье
и спишь под елями в тепле.

Не высыхает пот соленый
в той академии наук,
куда, под твой шатер зеленый,
не залетает с фронта звук...

Но это — дела половина!
Другая в тыщи раз трудней —
дойти до самого Берлина
с пехотной выкладкой своей!

УЗБЕКСКИЙ ДВОРИК

Я саманный самаркандский дворик
от души приветствовать готов...
Как он сладок, как он, в общем, горек,
едкий дым бездомных очагов!
Люди топят хворостом мангалки
в душном абрикосовом саду,
о колено измельчают палки,
варят очень скудную еду
и без мыла ветхие пожитки
трут в эмалированном тазу.
Дремлет дряхлый ослик у калитки,
не пугая позой стрекозу.
Каменные белые строенья,
обступив и сад и водоем,
приютили столько населения,
в дни войны утратившего дом!
Узнаю я рослых киевлянок —
прямо украинский хуторок!
Слышу говорок их спозаранок,
мягкий и певучий говорок.
В маленьких овалах медальонов —
смелые веселые глаза...
Побледнев, встречают почтальонов:
«похоронных» чудится гроза...
Виноград за глиняным дувалом
запотел, измаявшись в жару.
Голубь на карнизе обветшалом
не воркует — может, не к добру?!
С высоты на самаркандский дворик
заглядится с вечера луна,
что сама могла бы, как историк,
про другие вспомнить времена:
в этот дворик не входило горе,
не слышал он черных новостей.
Розовые ветви на заборе
зазывали свадебных гостей!

МОЛОДАЯ ЛУНА

Самаркандская ночь! Самаркандская ночь!
Сталинградская рота рассталась со мной:
уверяли врачи, будто ранам помочь
может лишь азиатский целительный зной.

Я на крыше лежу, на узбекских коврах.
Собеседница ты, молодая луна!
Ты в жемчужный поток все, что есть во дворах,
вовлекла, неистраченной силы полна.

Фосфорический блеск подарила стене,
и под лестницей жметесь пугливая тень.
У воды в белоснежной стоишь простыне.
И сады, словно волны, — лишь двигаться лень!

Самаркандская ночь! Самаркандская ночь!
Регистан — это сборище старых святынь —
разбудила сияньем небесная дочь,
в лунном холоде пряное пиршество дынь.

Чуют древние камни дыхание гор.
Камни любят прохладу, а вовсе не жар.
Видишь, вновь засветился волшебнo Шир-Дор,
а ведь облик его исключительно стар.

Как узбечка, луна, входишь ты в водоем,
разбросав ожерелья из старых монет,
и не знаешь о том, что мы только вдвоем,
что в уснувших дворах соглядатаев нет!

Незнакомая мне от рождения даль,
ты как будто мне близкою стала давно.
Забывается боль, утихает печаль,
и вливается в жилы по капле вино!

ЖЕНЩИНА ГОР

Бесился поток:
он камни толкал,
сталкивал лбами.

Качался мосток,
колебля средь скал
трос меж столбами.

Ты шла по доске,
играл под лучом
обруч браслета.

Стоял вдалеке,
где ель за плечом,
видел я это.

Хотела упасть
скала с высоты,—
глянув, застыла!

И в том твоя власть,
живой красоты
вечная сила.

Ты полный кувшин,
как счастье, несешь:
наземь ни капли,

хоть хлещет с вершин,
и мост, будто нож,
пропасть — у сакли...

ТЕЛЕЖКА

Колокольчики стеклянные —
бьют на башенке часы.
И глядится осиянное
утро в зеркальца росы.
А тележка колыхается
на резиновом ходу:
быть с утра ей полагается
в ботаническом саду.
Что ж, тебе мое почтение,
достославный друг Сандро!
Фрукты, сласти да печение —
вот и все твое добро,
но и этого достаточно,
чтоб весь день ты напролет,
став под куполом палаточным,
оставался у ворот,
где размашисто-разметанный
кедр пронизан синевою,
где слепит с корой размотанной
эвкалипт среди секвой.

Не скажу, что место бойкое
у тебя, мой друг Сандро:
не бренчит над этой стойкою
беспрерывно серебро.
Красных петушков на палочке
детворе ты распродашь,
в накладной поставишь галочки —
и томят покой да блажь...
Грушу выберет курортница...
Золотой сухумский мед!
Может, думаешь, вернется —
килограмм еще возьмет?
— Было бы, мадам, ошибкою
класть так мало на весы! —
говорил ты ей с улыбкою,
глядя длинные усы.
Провожал глазами пристально,
но исчезла вдалеке:
повернула, верно, к пристани
с плоским зонтиком в руке.
На прохожих в ожидании
и на улицу глядишь.
Белокаменные здания
ждут, когда настанет тишь.
Перешептываясь шинами,
мимо сада напрямик
все машины за машинами
пролетают каждый миг.
Солнце в море опускается,
мгла выходит из садов,
и тележка в путь пускается,—
я держусь ее следов,—
и мое стихотворение
продолжается в горах...
Эх, тележка, больше рвения —
поспевай на всех парах!
Нужно кассу сдать артельную,
кукурузу истолочь,
да послушать колыбельную,
что поет над люлькой дочь,
да уснуть под грушей гнутою
на лазоревом дворе,
как мечталось в пору лютую —
после боя на Днестре.

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ГОРОДОВ

Улицы приморских городов...
Волнорезы в несколько рядов!
Дикой бесшабашности полна,
в пену расшибается волна,
и секунду высаятся кусты
самой прихотливой красоты.
Мол спешит навстречу кораблю...
Я такие улицы люблю!
Отовсюду слышится прибой,
набегающий наперебой,
отовсюду видится игра,
что ведут морские колера...
А дома, сомкнувшиеся в ряд,
меловыми скалами горят.
Их арлезианский блеск помог
ощутить неистовый Ван-Гог:
что-то колдовское говорит
солнечного камня колорит.
На кипенье площадей морских
смотрят окна лавок, мастерских,—
в глубине витринного стекла
мачты отражается игла.
Соль на стенах светится уже!
Стриж свистит на верхнем этаже.
Жалюзи с заржавленным ребром.
Пахнуть грушам чуть мешает бром.
Пальму шторм ревниво колыхал —
виснут космы вместо опахал.
Строчки этой пальме посвятив,
не примусь за жеваный мотив:
что в России сызмальства я рос,
что дышать не в силах без берез.
(Ах, березка с девичьей косой,
ты меня обрызгала росой!..)
Так пииты, только загорят,
добрый юг в стихах благодарят.
Взятки гладки с этих молодцов.
Ну, а юг-то чей в конце концов?
Ну, а пальма? Импортный товар?
Комсомольцы пестуют бульвар
там, где днем земля раскалена,
там, где днем от зноя пелена,

там, где, лапой гриву подперев,
щурится от солнца лев не лев,
украшая маленький мосток,
под которым выдохся поток...
Я неблагодарных не терплю!..
Я такие улицы люблю.

ДАЧА

Заманивал в леса Урала
игрой тонов и плоскостей
коварный поиск минерала,
земной причудливый музей.

Фарфоровые брал «бисквиты» —
пластинки для простейших проб —
и, запахами смол обвитый,
я, как в воде, по веткам греб...

Я против живописной части
сам не имею ничего,
но чересчур уж много власти
у леса было одного!

За камень ель бралась когтями,
а камень спал тяжелым сном,
лежал надгробьем над костями,
арабским меченный письмом.

Я мусульманское кладбище
распознавал по письмам,
души лишенное жилище
лепилось к старым временам.

Прошла электропередача,
а вот селенья нет примет,
и лес, а по-иному «дача»,
вдруг окунался в синий цвет.

Но это озеро лесное
само не открывалось враз,—
казалось, кто-то за сосною
с тебя не сводит синих глаз.

И красное мелькало платье,
а поспешишь за ним вдогон,
и дикий мак летит в объятья —
он вдруг усеивает склон.

Мешок тяжел, тропа глухая,
в глазах темно, а крови ток
стучался в сердце, не стихая,
как бьет по камню молоток.

По самоцветам горной ночи,
что блещут меж лесных колонн,
своей находкой озабочен,
я выходил на перегон.

Здесь прошибала тьму дорога,
и лес не смел к ней подойти —
он сам отходит, если много
огня и света на пути.

УГРЮМАЯ

Обойми каймою, Кама, Кама,
сто Елабуг на своем пути,
захмелей от щебета и гама,
на лесном наречье пошути!..
Но тебе, конечно, не до шуток:
знала ты, что значит кабала.
Кабы в прошлом был удел не жуток,
ты б такой угрюмой не была!
От ножа разбойного спасалась
и от недорода выла ты..
Сколько говорилось и писалось,
как гнала ты день и ночь плоты!
Жгло плечо бурлачьею бечевою
у великороссов и татар,
и, дыша прохладой ключевою,
это помнит каждый камский яр..
Дни былые позабылись сами,
век людской пределен, как весло.
Вечна ты, и в даль идя с лесами,
видишь то, что время унесло.

УДМУРТСКАЯ ТЕМА

Удмуртия!

Красный снегирь
доверился белой березе.
Заснеженный ожил пустырь,
всю зиму проспав на морозе.
На Каме корежится лед,
трещат его толстые плиты,
и солнце стремительно рвет
прибрежную тень от ракиты.

Зимы синеватая тень
спешит за холмом схорониться,
за сваленный лезет плетень,
как будто он солнцу граница.
А только и там журавель
ведром засверкавшим играет!
Зимы голубую постель
весна на припеке стирает.
За снегом возьмет в оборот
земные пласты по порядку,
а там ей поможет народ,
он тянется дружно к достатку.

И что-то мурлычет удмурт,
присев у колес мотоцикла:
полозья весною — абсурд,
весна к мотоциклу привыкла!
Ей всюду придется поспеть —
во все МТС, на делянки...
Восторженно силится петь
снегирь на эстраде-временке.
А в горницу дверь распахни —
и трелью ответит приемник...
И песню в хорошие дни
особенно сердце запомнит,
и дом над пологим холмом,
что первым замечен весною,
и то, как здесь плещет кругом
тепло обновленья волною!

ПЛЯСКА

Убавляя лучи понемногу,
солнце гасит небесную печь.
Отправляется вечер в дорогу,
чтоб несметные звезды зажечь.

Как управишься ты с небесами,
эй ты, вечер, в село заходи!
Подбивая на пляску басами,
истомилась гармонь на груди.

Не звезда отдаленного края —
ждет свиданья плясунья одна
и, душистым платочком играя,
исподлобья глядит у окна.

Ты вприсядку пойди перед нею.
словно парень в чаду, бестолков,
в половицы стуча посильнее,
не жалей ты своих каблуков!

И в ответ на веселое рвенье,
чуть заметно плечом поводя,
поплывет она в то же мгновенье,
от протянутых рук уходя.

Но, платочком взмахнув над собою,
глянет так невзначай на тебя,
что ее назовешь ты судьбою,
неизвестно за что полюбя.

ЛЕТОМ НА КАМЕ

Идем на Север, идем по Каме!
Верхушки елей торчат штыками,
а волны катятся гулевые
туда, где запахи полевые.

Плот подвернется — обдаст делянкой;
с него окликнет лихач тальянкой.
У нас на палубе с интересом
следят девчонки за этим лесом,

едят закамскую землянику,
щебечут что-то насчет каникул.
— Куда, сережки? Куда, кудряшки? —
поет на бревнах Садко в тельняшке.

Дорога встречных разводит сразу —
чуть слышно уху, чуть видно глазу.
Усердно воду взбивают плицы!
Над Камой солнце, лазурь и птицы.

В помост причала ударит чалка —
у самых окон мелькает чайка.
А рядом сутолока базара.
Полдненным блеском исходит тара:
тарелки, банки, горшки, бидоны...
В проулок, солнцем не обойденный,
корзину ягод несет татарка,
и лето в ноше пылает жарко.
Гудок сзывает к мосткам причала,
опять дорога — и все сначала!

Не дикой Каме, а дивной Каме
ты, память сердца, ответь стихами!
Их нет на свете! К ее раздолью
взывал Некрасов с бурлацкой болью:
«Камушка! Сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не довели?»

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напред!..
Кости трешшат!
На печь бы лечь
Зиму проспять,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Ухни, ребята! Гора-то высокая!
Кама угрюмая, Кама глубокая!»

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ГОРОДОК

После всей суеты столичной
приютил меня на годок
деревянный, совсем обычный,
очень маленький городок.

Не блистая числом строений,
он терялся бы между гор,
если б не было отражений
в зеркалах его трех озер.

Как по штатному расписанию,
баня с фикусами была,
каланча и собора зданье,
потерявшее купола.

Малочисленность населения
замечали тотчас глаза.
Правил уличного движенья
не придерживалась коза.

Чуть не в пуд во дворах заборы —
и поднять их неумоготу!
И кидалась через заборы
вся черемуха, вся в цвету.

Где звала она молчаливо,
камни начисто погребя,
отыскал я приют счастливый
и поздравил с жильем себя.

Верно, нужен портрет хозяйки?
Раз ты счастлив — то хороша.
Что ж, не будет в словах утайки:
замечательная душа!

Показалась тайги суровой,—
ну, чего от старухи ждать?
Отказала сначала в крове,
а потом заменила мать...

И пекла пироги с рябиной
и до ночи ждала меня,
зябко ежась под шалью длинной,
не гася на окне огня...

Так другой стороной своею
обернулся весь городок,
и нисколько не сожалею,
что забросило на годок.

И, хоть временный был я житель,
красоту находил окрест...
Я носил офицерский китель,—
и с приказом пришел отъезд.

Мы прощались навеки строго,
даже голос не выдавал.
А помчалась, пыля, дорога —
кто-то словно сквозь ветер звал.

Звездный свет заливал просторы,
человек стоял на свету,
где черемуха через заборы
перекинулась — вся в цвету.

Тарантас тараторил гулко,
пыль кружилась у колеса...
Малахитовая шкатулка —
зауральские небеса!

ГЛАЗА УРАЛА

А какие у него глаза?
Мне казалось, что они зеленые:
двигались леса, леса, леса,
непалёные и непилёные.

Свой цветной показывала фильм
кадр за кадром горная ботаника:
поднимался кедр, спускался ильм,
обнимали камень ветви стланика...

Но Урал сказал мне: — Фантазер,
не одни вокруг леса лосиные!..—
И открылись мне глаза озер,
а глаза озер, конечно, синие.

Но Урал сказал мне: — Погоди
любоваться голубыми водами,

ждут иные виды впереди:
мечен я из края в край заводами!

И тогда сошли на нет леса,
к взгорьям кинулись цеха с карьерами,
и Урала дымного глаза
стали мне казаться просто серыми.

А за гребнями истает дым,
горный лес над водоемом свесится,
и опять зеленый с голубым
самоцветно светятся и светятся!

КЛЮЧИ СРЕДЬ СКАЛ

Повсюду тишина такая —
сто верст хоть на коне скачи! —
позванивают, не смолкая,
одни кристальные ключи.

Чем неприметней под горою
ключ, заключенный меж камнѐй,
тем больше радуется игрою,
тем он в звучании сильней.

Посмотришь — где берет силенки,
едва протиснулся на свет,
а вот играет на гребенке,
никто не скажет, сколько лет.

Средь скал поможет он согреться,
едва заслышится вдали:
ведь песни все идут от сердца
и у людей и у земли!

СОЛНЦЕ МОСКВЫ

На бесснежных холмах и равнинах
ветер мечет и рвет.
Как морские «барашки»,
лишь в овражках
сугробы лежат.

Неба, в сущности, нет —
есть несущийся туч хоровод.
Так мотает сосняк —
усидеть не сумеет лешак.
Как Петефи по Альфельду,
шел я, зимние вихри кланя,
телом в яростный ветер,
сгибаясь, врезался едва.
Безысходностью сизой
уже ночь настигала меня,
но, как пламенный рой,
вдалеке разблисталась Москва!

Это солнце ночное
зажгло горизонт до утра.
Миллионы огней.
Каждый луч — словно света копье.
Надо мною гудят
атлантические ветра,
но смеется сердце мое!

СТАРЫЙ ЯКОБИНЕЦ

Великолепнее, чем персонаж Домье,
стар и не брит, сидел он на скамье.
Не завсегдатай клуба, не солдат —
на отпеванье первый кандидат.
Но тряс петушьим гребнем — колпаком,
грозил он роялистам кулаком,
так излагая ветреному внуку
лихую яacobинскую науку.

ПЛАСТИНКА

Созвучия дождем
летят, творя картину:
остроконечный дом,
цветущую куртину.
Я вижу старика —
он нежность дарит кукле.

Сидит без парика:
осточертели букли.
И пиво под рукой
играет золотисто.
И кажется покой
мелодией флейтиста.
Созвучия дождем
летят в накрапах глянца
и словно хлещут дом
волшебным хмелем танца.
И женщины, кому
твердил «Их либе, либе...»,
затмение уму
несут в округлом лифе.
Созвучия дождем
летят, творя предметы,
и те, каких не ждем,
являются приметы:
дорога, мостик, луг
и на пригорке стадо.
А где-то пашет плуг,
и полю сердце радо!

МЕТЕОРЫ

Пред ними я не трепещу
и не сдаюсь на милость веры.
Не бог берет свою пращу
и мечет их из звездной сферы.

Космический огнистый град —
несущиеся метеоры.
Летят, как будто всех подряд
их гонят бешено моторы.

Чертя ночную черноту,
с землей сближаясь в упоенье,
они сгорают на лету —
и вихря чудится шипенье.

ВАЛЕЖНИК

Натуру свою гулевую
валежником тешит костер,
за ним в глухомань вековую
он жадные руки простер.

Я со стихов о лесе начинал,
я их филиппиками начинал,
я обличал бесчестье топора —
была гуманна проповедь пера.

Теперь слова участия несу
я черному валежнику в лесу.

Зеленым он еще махал крылом,
его свалило наземь, в ветролом,
и по нему, как сквозь лесную дверь,
между стволов протискивался зверь.

Но дерева извечное тепло
таит сушняк — оно не утекло! —
и нам отдаст, когда, как солнце дня,
над ним взлетит сияние огня.

МОРСКОЙ ЛЕС

Ой ты, батюшка Северный Лес!
Сколь сосны в водных руслах осело!
Сам себе предоставлен всецело,
сплав на синь-океаны полез.
Там бревно, как заправский ковчегец,
лихо носит волна на хребте...
Чтобы выловить бревнышки те,
лесовоз снаряжает норвежец.
Брызги в рыжей горят бороде,
скалит зубы и пыхает трубкой...
А на кой утруждать себя рубкой,
если рощи идут по воде?!

РУССКИЕ МЕЛОДИИ

Их на невидимых струнах
наигрывает вышина..
Их слушали предки на стругах,
хоть Русь стерегла тишина.

Поют ли ветра от восторга,
метя поднебесный простор?
От Запада вплоть до Востока
Баян свои гусли простер?

То звук пропадет на мгновенье,
то сызнава с разных сторон
какое-то слышится пенье,
какой-то доносится звон.

Раскинула реки, как руки,
откуда, сказать не берусь,
под эти извечные звуки
великая движется Русь!

ПЕРЕВАЛ

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна..
В. Брюсов

Нет, не надо к себе снисхожденья!
На мгновенье лишь взгляд задержи,
видя каждый этап восхожденья,
уносящихся троп виражи.
Почему-то на всех перевалах
беспокойно живут облака:
клокоча в сумасшедших провалах,
обдирая о камни бока,
сохраняя высотность движенья,
как бы ни было трудно самим.
Вызывают они уважение,
заставляют завидовать им!

КАМНИ

Вы — уральских пейзажей примета!
На поверхность земли выходя,
серый цвет не меняя от света,
не боитесь лучей и дождя.

И еловой нетронутой чаще
и поляне, хоть солнце горит,
придаете всегда тяготящий,
диловатый, глухой колорит.

Точно плиты на старом кладбище,
плосковаты, длинные, широки.
Нет, насколько обжителей и чище
в Подмоскowie лесок у реки!

Я хотел, чтобы версты летели,
чтоб увиделся радостный знак:
не над камнем стоящие ели,
а склоненный к воде березняк.

Только даль на рожке заиграла,
стало жаль расставаться уже...
А с тех пор, как уехал с Урала,
будто камень лежит на душе.

Есть берущая за сердце сила
у тайги, чья судьбина трудна:
легкой жизни себе не просила,—
вышла в небо с кремнистого дна!

*

*   *

Как наскучат разговоры
сочинителей стихов,
укачу под Князьи горы
в стынъ сугробов и стогов.

Жизнь маленько разукрашу!
Благо бабушка жива:
печку топит, варит кашу,
сказок вяжет кружева...

Там мешают спать мышата,
деревянный стар диван,
в раме — пастырь из Кронштадта
седовласый Иоанн —

скучен в рясе светло-синей
живописный иерей...

А зато на ветлах иней,
жар залетных снегирей!

А зато в лучах мороза
звонко ухай топором —
и в поленнице береза
отливает серебром!

А зато, бредя как бродом,
утром тропку намечай
к садоводам — пчеловедам...
К разговору — мед и чай!

А зато увидишь с флягой
молодуху на пути,
удивишь ее отвагой,—
усмехнется — не шути!

А зато родится слово,
что взыграет, словно хмель,
это слово, как обнова,
что не нашивал досель.

СОДЕРЖАНИЕ

Целой жизни мало, мало...	3
Золотые дюны	3
Сверчок	5
Такси.	6
Жаворонок	7
Гуляния	
1. Снега	8
2 Петухи	9
Ветлы	9
Запасный полк	11
Узбекский дворик	13
Молодая луна	13
Женщина гор	14
Тележка	15
Набережные черноморских городов	17
Дача	18
Угрюмая	19
Удмуртская тема	20
Пляска	21
Летом на Каме	21
Черемуховый городок	23
Глаза Урала	24
Ключи средь скал	25
Солнце Москвы	25
Старый яковинец	26
Пластинка	26
Метеоры	27
Валежник	28
Морской лес	28
Русские мелодии	29
Перевал	29
Камни	30
«Как наскучат разговоры...»	30

ОБЛИГАЦИИ СВОБОДНО ОБРАЩАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ ЯВЛЯЮТСЯ УДОБНОЙ И ВЫГОДНОЙ ФОРМОЙ ХРАНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ.

В настоящее время сберегательные кассы свободно продают и покупают облигации двух таких займов.

По Государственному 3% внутреннему выигрышному займу, выпущенному в 1947 году, проводится шесть основных тиражей выигрышей: 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября, 30 ноября и дополнительный тираж выигрышей — 30 сентября.

На один разряд займа ежегодно разыгрывается 62 500 выигрышей на сумму 3 929 180 рублей.

По Государственному 3-процентному внутреннему выигрышному займу 1966 года ежегодно проводится 8 тиражей выигрышей: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря. На один разряд займа в течение года разыгрывается 75 200 выигрышей на сумму 4 100 480 рублей.

ПРИБОРАТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ СВОБОДНО ОБРАЩАЮЩИХСЯ ЗАЙМОВ!